

УДК 639.1

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия*

ОХОТА И ЕЁ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Статья предваряется экзистенциальной прелюдией, в которой автор отражает эволюцию своего познания темы охоты и её роли в развитии общества. Далее автор раскрывает подтемы: прошлое биосоциального феномена охоты; настоящее охоты и охотничьего хозяйства в Российской Федерации; будущее охоты и охотничьего хозяйства.

Ключевые слова: феномен охоты, апология охоты, становление человечества, человеческое общество, будущее охоты

*Светлой памяти Домишкевича Александра Федоровича,
учителя и философа*

Экзистенциальная прелюдия

Ровно 41 год назад, в апреле 1983 года, я случайно посетил заседание студенческого философского кружка факультета охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, которое вел преподаватель философии Александр Федорович Домишкевич. Случайно, потому что кружок посещали в основном второкурсники, изучавшие диамат, а я был первокурсником, изучавшим марксистско-ленинскую этику и эстетику. Формально, до диамата мне никакого дела не было, и первокурсники, скорее всего, кружок этот игнорировали. Тем более, что студенческих научных кружков на факультете было несколько. В частности, самыми популярными у первокурсников считались кружок орнитологии и кружок охотничьего промысла (возможно, он именовался по-другому), который вел Олег Витальевич Жаров. В философский кружок меня заманил кто-то из второкурсников, сказав, что главная тема кружка: «охота и её роль в развитии общества». Мне стало любопытно, о чем же там говорят, и какую роль охота играет в развитии общества? Результатом этого посещения стало событие, которое случилось через год, в апреле 1984 года, когда на заседании кружка я прочитал свой доклад на тему «Охота и её роль в развитии общества» (7 страниц машинно-рукописного текста еще живы в моем слабо систематизированном архиве,

потому как, по метким замечаниям иркутских историков и охотоведов, я крайне бессистемный человек).

Прошел уже 41 год размышлений над вышеобозначенной темой. Кое-что удалось для себя открыть интересное и малоизвестное. В течение последних одиннадцати лет (2014-2024 гг.) я публикую различные фрагменты своих размышлений и изысканий по антропологии охоты и теоретическому охотоведению. Большая часть этих теоретических импровизаций представлена в следующих работах [5-8].

Пора подводить итог. Не то, чтобы исчерпал тему (она неисчерпаема и открывает новые горизонты системных исследований космобиопсихосоциального феномена охоты). Просто в силу жизненных обстоятельств, мой научно-познавательный интерес в последние годы больше смещается в сторону философии, методологии, истории, социологии и психологии науки, в т.ч., науки математики, науки геологии, археологии, космологии и т.д. Естественно, что я считаю себя дилетантом в этих отраслях научного знания (в смысле А.А. Любищева и В.В. Налимова, т.е., мне всё любопытно, и я во всем сомневаюсь).

В охотоведении же я всегда был теоретиком и так им остался по сию пору. Иногда трудно предугадать свой жизненный путь, когда тебе всего лишь 23 года – в таком зрелом юношеском возрасте я оказался первокурсником факультета охотоведения. Но к тому времени, я уже четвертый год самостоятельно занимался философией, т.е., читал, конспектировал и размышлял, что-то принимая на веру, в чем-то постоянно сомневаясь. Как писал выдающийся русский философ Н. Бердяев: «Я стал философом, пленился «теорией», чтобы отрешиться от невыразимой тоски обыденной «жизни» [3]. Так, философия Н.Бердяева по роду особенностей и параметров мне очень близка по духу, и в глубине души я всегда считал себя «философом свободы», хотя в реальной жизни всегда зависел от каких-нибудь естественных или вполне дурацких обстоятельств. Приведу еще один фрагмент из замечательной книги Н.Бердяева «Самопознание», которую я

впервые прочел в мае 1991 году (на одном дыхании и едва ли не за один день – чтобы потом перечитывать всю оставшуюся жизнь): «Свобода несет с собой новизну. Противники свободы любят противопоставлять свободе истину, которую навязывают и заставляют признать. Но истины, как навязанного предмета, как реальности, падающей на меня сверху, не существует. Истина есть также путь и жизнь. Истина есть духовное завоевание. Истина познается в свободе и через свободу. Навязанная мне истина, во имя которой требуют от меня отречения от свободы, совсем не есть истина, а есть чертов соблазн. Познавание истины меня освободит. Но тут одна свобода в конце, другая свобода в начале. Я свободно познаю ту истину, которая меня освобождает. Никакой авторитет в мире не может мне навязать эту истину...» [3].

Александр Федорович Домишкевич был в моей жизни первым (да, возможно, и единственным) философом, который выслушивал меня и говорил на равных, и который признавал обоснованность моих философских взглядов и устремлений. В последующие годы, неоднократно беседуя с иркутскими философами (учеными и остепененными), я практически всегда замечал у них неискоренимую особенность: они говорили со мной, взирая со своей философской ученой высоты (сверху-вниз) и никто не пытался уразуметь: о чем же я им говорю, потому что изначально ими руководила установка своей ученой важности. Думаю, Александр Пятигорский, имея подобный опыт и изрёк свой афоризм: «Каждый сам себе философ! И пошли все на фиг!» Отсюда и у меня появился околонаучный термин «иркутские сократы и гиперсократики». Немного юмористического отношения к жизни, пожалуй, верный способ избежать депрессии. О жизни и привычках философов, кстати, существует немало афоризмов и анекдотов. И про то, что у Канта не было ни личной судьбы, ни биографии, и про знаменитую диогенову бочку, и про то, что как говорил Сократ: «Если бы не моя сварливая жена – я никогда бы стал бы философом!». Кстати, я до сих пор не знаю, точно ли так говорил Сократ, или это придумали «послесократики»?

Понятно, что отвлекаюсь. Но отвлечения, моя слабость, они украшают жизнь естественного человека. Будет ли способен на подобные отвлечения искусственный интеллект пока не ясно.

Когда Александр Федорович Домишкевич сказал мне, что всю сознательную жизнь он изучает философию Иммануила Канта – я был потрясен. Как так! Всю жизнь потратить на философию какого-то И.Канта! Это никак не вмещалось в мои стихийно-романтические представления. Сам я («крайне воинствующий дилетант») уже тогда намеревался в ближайшие три месяца предать бумаге свою крайне оригинальную (как мне казалось) философскую систему.

В итоге, как вы помните из начала, никакой системы не получилось, и остался я бессистемным эклектиком и анархистом.

Возвращаясь в апрель 1983 года. После посещения философского кружка, я решил отложить на время «Проект создания своей философской системы» и взялся за разработку темы «Охота и её роль в развитии общества». Тема мне казалась заманчивой, таинственной и во многом не совсем понятной: какую же роль играла охота в становлении человека и человеческого общества?

Одной из первых книг, которую я проштудировал в рамках освоения вышеназванной темы, оказалась монография «Перспективы человека» известного советского философа И.Т. Фролова [24]. Прочитав её, в ответ на философский оптимизм автора, я записал на последней странице свой итоговый вывод (книга была приобретена мною в магазине «Военная книга» на улице Урицкого, т.е., была моей собственной): «Не каждому дано верить в себя. Природа создала Homo Sapiens с внутренней мощной установкой на самосовершенствование, на постижение сути вещей, самого себя и самой себя. Будущее человечества – такая же неизвестность, как и будущее каждого человека. Никто не знает и никто никогда не узнает, зачем он живет, зачем дана ему жизнь». Уже тогда я был изрядный пессимист и релятивист.

1. Вместо введения.

1.1. Охота – универсальное эволюционное приспособление живого. Вполне вероятно, что охота – это космический, а не только планетарный земной феномен.

1.2. Если прав Г.Маркузе (и я думаю, что скорее прав), то «развитие цивилизации и зрелого «Я» цивилизованной личности все еще определяется архаическим наследием» [13]. По моему мнению, это «архаическое наследие» на 80-90% представлено в современном человеке «охотничьими» генами и архетипами (это – рабочая гипотеза).

1.3. «Становление охотничьего образа жизни требовало максимально широкого и полного развития адаптивных, психофизиологических возможностей организма» [12].

1.4. «Охота – это генетически обусловленная конструктивная агрессия, направленная на обеспечение добычи объекта охоты» [5].

1.5. «Охотничья генетика и культура являются истоками многих феноменов современного общества: науки, искусства, магии, ритуалов, законов, войн, игры, театра, спорта, мифа и религии» [5].

1.6. Известный российский историк, геополитик и специалист с области международных отношений А.И. Уткин писал в 2001 году: «В современном мире насчитывается около 2 тысяч ТНК (транснациональных компаний), которые распространяют свою деятельность на шесть или более стран. Среди них 500 крупнейших имеют совокупный продукт в 21,9 трлн.долл. (61% мирового валового продукта). Они контролируют капитал в 35,6 трлн. долл. Их ежегодные доходы равняются 810 млрд.долл. На этих пятистах национальных компаниях заняты 84,5 млн.человек. 93% их штаб-квартир расположены в США, Западной Европе и Японии. Среди 50 самых больших ТНК, 27 – американского происхождения» [23].

1.7. «Принося огромную выгоду ничтожному меньшинству, глобализация оставляет за рамками или превращает в маргиналов две трети населения планеты» [19].

1.8. «Преобразовывать» другие культуры нет никакой необходимости, и прежде всего потому, что, к сожалению, не «механизм совершения бесконечных открытий» лежит в грядущем столетии, по крайней мере, в грядущем столетии, в основе всемирной трансформации» [10].

1.9. В 1990 году российский философ хозяйства Ю.М. Осипов писал: «Превращаясь в суперчеловека, человек прекращает свое противостояние природе и неприроде, он идет им навстречу, сживаясь с ними в супермировое целое, обеспечивая природе, неприроде и человеку новое – ноосферное – бытие» [16].

1.10. В сентябре-октябре 1982 года я прочитал замечательную книгу Аурелио Печчеи «Человеческие качества». Кроме всего прочего (эта книга произвела на меня большое впечатление и сильно сдвинута мои устремления в сторону социальной экологии) в ней цитировалась концепция всемирно известного архитектора Константиноса Доксиадиса из статьи 1974 года «Глобальное экологическое равновесие», где Доксиадис предложил идеальное деление доступных территорий планеты на двенадцать специализированных зон, в соответствии с которым более 80% общей поверхности приходилось бы на долю природы в различных формах, начиная от зон совершенно нетронутой природы и некоторых промежуточных областей и заканчивая управляемыми человеком лесными массивами. 10% выделялось на сельское хозяйство, а оставшиеся площади – на урбанизированные и промышленные сооружения и комплексы [17]. Я тогда еще подумал, какое можно было бы развернуть охотничье хозяйство на этих 80% природной территории! Тогда еще не верилось, что мир изменится так быстро, и что через 10 лет не станет страны СССР.

2. Прошлое биосоциального феномена охоты.

2.1. Охота как природный биологический феномен широко распространена в мире живого.

2.1.1. «Охота как форма адаптации к окружающей среде – есть наиболее универсальный способ самообоснования жизни, наиболее полное, всестороннее (всеобщее) выражение биологического *causa sui*» [27].

2.1.2. Охота – это «доминирующая ароморфическая адаптация человека в процессе его эволюционного развития. Ароморфоз – повышение уровня биологической организации и адаптации в среде не столько через преобразование соответствующих органов, сколько путем перестройки структуры поведения» [2].

2.1.3. Известный психоаналитик и социальный философ Э.Фромм, оценивая агрессивность первобытных охотников, утверждал, что «охота не влечет за собой ни жестокости, ни деструктивности, и что примитивные народы гораздо менее агрессивны, чем их цивилизованные собратья» [25].

2.1.4. Но я не согласен с Э.Фроммом по поводу его утверждения, что «охотничья жизнь не оставила в человеке генетических следов», и что «рефлекс к совместному труду и распределению во многих культурах был вытеснен рефлексом безмерного эгоизма» [25]. Это больше похоже на аксиологическую или этико-социальную интерпретацию, а не на научную аргументацию. По современным данным антропологии предки человека охотились не менее 2 миллионов лет, а по данным приматологии – не менее 5 млн. лет. Если бы такой срок охотничьей эволюции не оставил бы в человеке «охотничьих генов» - было бы просто удивительно. Надо заниматься реальным генетическим наследием охотничьего прошлого – реконструктивным моделированием и реальными нейрогенетическими исследованиями в сочетании с имитацией всего разнообразия охотничьей деятельности – тогда мы можем получить научно-обоснованный ответ по поводу «охотничьих генов». Иначе будет просто разнообразие субъективных мнений и предпочтений и чисто умозрительных суждений.

2.1.5. Несмотря на отдельные успехи палеогенетики и палеогеномики [18], пока еще действительно утверждение антрополога В.П. Алексеева: «Путь к познанию истинных историко-генетических взаимоотношений

между отдельным хронологическими и локальными группами ископаемых предков человека, как видим, длителен и чреват многими трудностями» [1].

2.2. До настоящего времени в мировой науке антропологии доминирует отношение или состояние, давно подмеченное историком А.Тойнби: «Доисторическая эпоха, когда человек стал человеком – явление по своей исторической значимости более выдающееся, чем возникновение цивилизации... Но она все еще остается лишенным всякого исторического сознания» [22]. Здесь, пожалуй, необходимо небольшое уточнение. Не исторического сознания, а исторического осознания.

2.3. Советский культуролог и философ Георгий Гачев считал, что «для полноты понимания охоты, для более глубокого проникновения в генезис охоты (охотничьей деятельности и психологии охотника) имеют большое значение исследования архаичных охотничьих культур, уцелевших отдельными пятнами на мировой карте – это, в первую очередь, аборигенные вымирающие и медленно стагнирующие этносы Сибири и Дальнего Востока (в России), а также охотничьи культуры аборигенных этносов Австралии, Южной, Северной и Мезоамерики, Африки, Юго-Восточной Азии и Океании. Расшифровка и интерпретация каждой неповторимой этнической охотничьей картины мира позволяет ввести в научный оборот «первичные интуиции», которые существуют в сознании всех членов данной национальной (этнической – А.В.) культуры» [9].

2.4. Э.Фромм, исследуя тему человека охотника, задается вопросом: чему могла научить человека охота, какие образы поведения он вынес для себя из охотничьей жизни? И приходит к выводу, что именно из охотничьей жизни человек унаследовал две такие модели поведения, как кооперация и распределение. Кооперация (объединение) была практической необходимостью в большинстве охотничьих обществ, и то же самое относится к разделению пищи – возможно, у современного человека надо искать врожденные рефлексy к кооперированию и распределению (всем поровну), как генетическое наследие охотничьей жизни [25].

2.5. Этологи и приматологи в последние десятилетия (с 70-х гг. XX века и по настоящее время) «добыли» немало интересных фактов и материалов, которые по-новому раскрывают возможные пути антропо- и социогенеза, и которые проливают свет на взаимоотношения между полами, родственными связями, на структуру праобщины, возникновение истинного альтруизма, повышение роли отдельной особи в группе и мн. др. [4].

2.6. Одно из таких сильных открытий – обнаружение приматологами прототипов войн между стадами шимпанзе [11]. Это существенно может поменять взгляд на генезис феномена войны. Ранее я высказывал гипотезу о том, что война, вполне вероятно, исконно природное, биосоциальное (может даже, космическое) явление [5]. И не следует относить историю возникновения войн к неолиту или ко времени появления протогосударств.

2.7. Еще раз повторяю: в формировании человека, как биосоциального индивидуума, в образовании и развитии социальных связей в первобытном человеческом коллективе первостепенную роль сыграла именно охота. Более подробную аргументацию этой гипотезы можно найти в моих прежних работах [5, 6].

3. Настоящее охоты и охотничьего хозяйства в Российской Федерации

3.1. Кризис охоты и охотничьего хозяйства в России начался в 1989 году, что было связано с закатом «горбачевской перестройки» и переходом к стихийному капитализму. Теперь вполне понятно, что мы имели социалистическую форму охотничьего хозяйства в основе которой успешно развивался охотничий промысел. Также мы имели социалистическую форму организации охотничьих добровольных сообществ охотников, которая была упразднена уже в XXI веке.

3.2. Можно утверждать, что за последние 35 лет (1989-2024 гг.) охота и охотничье хозяйство в России претерпели кардинальную организационно-экономическую трансформацию. Появился новый термин «охотничье

хозяйство переходного периода», который по-существу является аморфным и ничего не объясняет.

3.3. Идеал ушедшего и уходящего охотничьего хозяйства социалистической формы наиболее ярко отражен в двух монографиях [20, 21].

В монографии Г.И. Сухомирова «Таежное природопользование на Дальнем Востоке России» [20] анализ и перспективы регионального охотничьего хозяйства уже представлены с учетом основных аспектов трансформации, которые претерпели охота и охотничье хозяйство в переходный период (1989-2007 гг.).

3.4. В настоящее время очень мало работ, рассматривающих влияние глобализации на развитие охоты и охотничьего хозяйства – это существенный недостаток, не позволяющий адекватно оценивать современное состояние и перспективы охоты и охотничьего хозяйства.

Сама по себе теория глобализации также в значительной степени страдает субъективностью, основанной на мировоззренческих позициях авторов и более представлена «как конгломерат разнородных явлений, а не как единая система, функционирующая по своим специфическим системным законам» [15].

3.5. Влияние глобализации на охоту и охотничье хозяйство в большой степени негативное. В частности, это наглядно проявляется в антиохотничьих тенденциях, которые финансово поддерживаются целым рядом транснациональных компаний (что также мало исследуется и социологами и охотоведами).

3.6. Однозначно негативное влияние глобализация имеет по отношению к аборигенным этносам Сибири и Дальнего Востока России, для которых охота и охотничье хозяйство являются традиционным хозяйством и традиционной культурой, во многом определяющими их образ жизни и сохранение этнической культуры и идентичности.

Под влиянием глобализации происходит исчезновение языков малых народов [14, 26], что можно оценить как гуманитарную и социальную катастрофу. С исчезновением языка параллельно исчезают древние охотничьи культуры и традиции, исчезает уникальный опыт таежных этносов Сибири и Дальнего Востока России.

3.7. Российское охотоведение всегда позиционировало себя как науку прикладного характера, сосредоточенную на прагматических, организационно-экономических и технологических аспектах развития охоты и охотничьего хозяйства. В эпоху глобализации и тотальной информатизации этого будет недостаточно не только для развития, но даже для простого выживания охоты и охотничьего хозяйства в условиях глобальной экономики и искусственного интеллекта.

3.8. Настоящее охоты и охотничьего хозяйства можно оценивать как медленно текущую стагнацию с отдельными проблесками относительной кратковременной стабильности.

Для полноценного развития и дальнейшей эволюции охоты и охотничьего хозяйства в России необходима новая парадигма, новые модели и новая реальность.

4. Будущее охоты и охотничьего хозяйства.

4.1. Ранее, я уже отмечал, что феномен охоты претерпит в XXI веке мощную трансформацию под влиянием глобализации, информатизации и внедрения новых моделей в мировую экономику [5].

Здесь необходимо уточнить, что охота в прошлом, настоящем и будущем – это, на самом деле, три совершенно самостоятельных феномена, обладающие весьма различными социальными характеристиками и принципиально различными моделями функционирования в биосфере планеты Земля и в планетарном социуме. Эти три модели объединяет только процесс охоты, который трансформируется в зависимости от исторической эпохи, стадии эволюции антропогенеза и прочих глобальных и локальных космосоциоприродных обстоятельств. Образно, можно сказать, что феномен

охоты всегда находится в трех измерениях: в прошлом, настоящем и будущем. И он всегда похож на айсберг – на поверхности воды находится малая часть, а все остальное, может быть, самое главное – всегда находится под водой, т.е., скрыто от простого любопытствующего взора. Я считаю, что эта скрытая (латентная) часть феномена охоты, как и «темная материя» человеческого мозга или «темная материя» Вселенной составляет не менее 90% содержания феномена охоты в любом из трех измерений.

Что касается прошлого измерения – все археологические артефакты, добытые наукой и касающиеся охоты – это жалкие крохи того реального существовавшего процесса охоты, в котором происходили миллионы конкретных ситуаций и миллиарды поведенческих актов наших охотничавших предков, о которых мы можем только догадываться и строить весьма абстрактные реконструктивные модели и репрезентации, исходя из своих современных стереотипов и мифов, которые касаются этого недоступного прошлого.

Что касается настоящего охоты, мы тоже видим (извините за грубое выражение, господа охотоведы) жалкие крохи на поверхности – это то, о чем я говорил в предыдущем параграфе: современное состояние охоты и охотничьего хозяйства в России (промысел, спортивная охота, зимние маршрутные учеты, лицензии, регламент и нормативы организационной и технологической деятельности, структуры и механизмы, регулирующие весь процесс охотничьей деятельности и т.п.). Поясню: охотничьи гены и архетипы – это наследие прошлого, которое живет практически в каждом человеке, в большой степени находится в заархивированном состоянии и проявляется разными гранями в повседневной деятельности любого из нас (будь то представители бизнеса, менеджмента, все представители силовых ведомств или МЧС, спортсмены и т.д.). И даже у вегетарианцев и антиохотников при внимательном наблюдении можно обнаружить типичные древне-охотничьи паттерны и реакции. Это неотъемлемый багаж нашей психики, генетическое наследие, которое постоянно испытывает социальные

воздействия и социальные трансформации, но продолжает жить своей жизнью, видоизменяясь и мимикрируя в зависимости от социально-культурного воздействия и окружения.

Что касается будущего измерения, то искусственный интеллект, который в скором времени может заменить естественный человеческий интеллект, он уже содержит, сохранит и будет дальше развивать все унаследованные от человека охотничьи архетипы и паттерны, которые человек, мало о том задумываясь, уже реализует во всех программах и нейросетевых структурах.

4.2. В случае сохранения естественного интеллекта на последующие десятилетия XXI века можно изначально говорить о сохранении двух ипостасей феномена охоты.

1) охота как реликт, как традиция, как один из инструментов охраны, воспроизводства и использования фауны и флоры (за растениями также охотятся и истребляют их как и других редких животных),

2) охота как космобиосоциопсихоприродный феномен, постоянно присутствующий в генетических и психических структурах человека разумного в латентной форме и влияющий на его поведение в большом и малом, в индивидуальном и общечеловеческом. Если хотите: вся мировая политика и политика внутри любой страны и в жизни любой организации всегда содержит неявные и нерасшифрованные стереотипы и паттерны охотничьего поведения, унаследованные современным человеком от предков, живших охотой не менее чем 2-5 миллионов лет.

4.3. Соответственно, две эти ипостаси исследуются двумя разными науками: реликт, традицию и отрасль природопользования изучает прикладное охотоведение, имеющее в Российской Федерации более чем столетнюю историю. Во втором случае – охота как космо-социальный феномен – исследуется теоретическим охотоведением, основанном на междисциплинарном синтезе целого ряда традиционных наук, как антропология, археология, социология, синергетика, системный анализ и

реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности, включающее более тонкие технологии и инструменты исследований как герменевтический микропсихоанализ и многоэтапное эволюционное моделирование больших систем и процессов.

В настоящее время, насколько мне известно, охотоведение теоретическое находится по-прежнему в зачаточном состоянии и не прельщает современных исследователей и руководителей научных институтов России. Всегда удобно признавать то, что находится в подводном (латентном) состоянии как не существующее, не отдавая себе отчета в том, что отмахиваясь от прошлого – мы в такой же степени отмахиваемся от будущего.

5. Заключительные замечания (фрагменты из «Апологии охоты» [5]).

5.1. Охота есть проявление всеобщего принципа экспансии и ассимиляции одних живых организмов другими живыми организмами.

5.2. Охотничьи архетипы продолжают свою эволюцию в индивидуальной и коллективной деятельности современного человека.

5.3. Реконструкция процесса эволюционного развития человека-охотника и реконструкция эволюции генетического развития его психики позволяет более адекватно понять глубинные истоки многих социально-психологических свойств и черт современного человека.

5.4. Понимание глубинной природы охоты позволяет более точно прогнозировать и моделировать дальнейшую эволюцию современного человека и планетарной человеческой цивилизации, более адекватно оценивать её перспективы в земном и космическом масштабе.

5.5. В настоящее время общественные (гуманитарные, социальные) науки в процессе построения своих гипотез и теорий, в процессе проведения исследований, сборе фактического материала, его интерпретации в подавляющем большинстве случаев игнорируют социогенетическое прошлое человека-охотника, создавая стерильные кабинетные теории.

Post scriptum.

Естественно, что человеческую цивилизацию нельзя объяснить одним только прошлым феномена охоты – это всего лишь один из феноменов, который во многом обусловил эволюцию человека и человеческого общества. Есть еще космос и загадка человеческого разума, есть еще неизмеримое число недоступных нам галактик, а может, и вселенных. Путь познания многолик и бесконечен. Все проблемы в том – как выбрать нам правильный путь и как выразить сущность нашего эфемерного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. 462 с.
2. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества (современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М.; Мысль, 1982 – 304 с.
3. Бердяев Н. А. Собр. соч. : В 5 т. Т. 1 : Самопознание : Опыт философской автобиографии. 3-е изд. Париж : YMCA-Press, 1983. 420 с.
4. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А., У истоков человеческого общества (поведенческие аспекты эволюции человека). М., 1993 – 256 с.
5. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). Иркутск, 2016. 100 с.
6. Винобер А.В. Антропология охоты. Сборник статей. Электронное издание. Иркутск, 2023. 164 с.
7. Винобер А.В. Охотоведы. Охотоведение. Охотничье хозяйство : сборник статей [Электронное издание]. Иркутск. 2024. 151 с.
8. Винобер А.В. Таежное природопользование: Сборник статей. Электронное издание. — Иркутск, 2024. 88 с.
9. Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры. Р –н/Дону: Рост. гос. ун-т, 1993–320 с.
10. Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. - Минск: Харвест, 1998. - 432 с.
11. Ичас М.О. О природе живого: механизмы и смысл. Пер. с англ., М.: Мир, 1994 – 496 с.
12. Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека : Проблемы комплексного изучения. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 304 с.
13. Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. — Москва: АСТ, 2003. — 528 с.
14. Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М.: ВКН, 2015. 496 с.

15. Население и глобализация: 2-е изд. / Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. – М.: Наука, 2004. – 322 с.
 16. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. – М.: Изд-во МГУ. 1990. – 382 с.
 17. Печчеи А. Человеческие качества. Пер. с англ. Изд-е 2-е. – М.: Прогресс, 1985. – 311 с.
 18. Пэабо С. Неандерталец. В поисках исчезнувших геномов. Пер. с англ. М.: АСТ; CORPUS, 2017. 416 с.
 19. [Сидорина Т. Ю.](#), [Филатов В. П.](#), Полянников Т. Л. Феномен свободы в условиях глобализации. – М.: Издательство: [РГГУ](#). 2008. 410 с.
 20. Сухомиров Г.И. Таежное природопользование на Дальнем Востоке России. – Хабаровск: РИОТИП, 2007. – 384 с.
 21. Сыроечковский Е.Е., Рогачева Э.В., Клоков К.Б. Таежное природопользование. – М.: Лесн. пром-ть, 1982. – 288 с.
 22. Тойнби А. Постижение истории : Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
 23. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001. – 254 с.
 24. Фролов И.Т. Перспективы человека : Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.
 25. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: Аст, 2007. – 621 с.
 26. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира : монография. - 2-е изд., перераб и доп. – М.: Проспект, 2015. 432 с.
 27. Югай Г.А. Общая теория жизни (диалектика формирования), М.: Мысль, 1985 – 256 с.
-

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

HUNTING AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

The article is preceded by an existential prelude in which the author reflects the evolution of his knowledge of the topic of hunting and its role in the development of society. Further, the author reveals the subtopics: the past of the biosocial phenomenon of hunting; the present of hunting and hunting economy in the Russian Federation; the future of hunting and hunting economy.

Keywords: the phenomenon of hunting, the apology of hunting, the formation of humanity, human society, the future of hunting

Поступила в редакцию 1 мая 2024